

ря, и самое указание А. И. Першица на то, что проблема использования в справочнике иноязычной по происхождению терминологии решается «исходя из возможностей языка и удобства пользования терминами» (с. 67), может рассматриваться как иная формулировка этого неперемного условия: максимальной органичности вхождения иноязычного термина в новую для него научную и общекультурную традицию. Видимо, этим только и можно руководствоваться при решении и вопроса «калька или транслитерация?», и вопроса о замене иноязычных терминов русскими, и вопроса о создании новых терминов, когда есть зарубежные аналоги для них. Все это, конечно, при условии, что мы хотим говорить о проблемах своей науки ясным и общедоступным для специалистов — так и хочется сказать «нормальным»! — языком.

Ю. И. Семенов

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

Я согласен с подавляющим большинством общих принципиальных положений, выдвигаемых и обосновываемых в статье А. И. Першица. Не вызывает у меня сомнения вывод о необходимости рассмотрения в словаре «Этнография: основные термины и понятия» не только чисто этнографических, но и междисциплинарных понятий и терминов. Так же, как и А. И. Першицу, мне представляется предпочтительным сведение генетически, функционально, типологически родственных понятий в крупные блоки при условии, конечно, что данное укрупнение, во-первых, не должно быть чрезмерным, во-вторых, не должно исключать и отдельного рассмотрения некоторых важных по тем или иным соображениям понятий, входящих в данный блок.

Очень интересны соображения, высказанные А. И. Першицем по вопросу об обновлении понятийно-терминологического аппарата науки. В частности, на мой взгляд, давно уже назрело введение в этнографическую науку термина *вождество*. Не останавливаясь на всех этих и ряде других вопросов, мне хотелось бы подробнее затронуть лишь один, а именно — проблему соотношения терминологии и теории. Всякая теория предполагает наличие достаточно четко разработанного понятийного аппарата, а тем самым и точных терминов. С другой стороны, только теоретическая разработка той или иной проблемы может сделать возможным уточнение терминологии. Всегда существует теснейшая связь между уровнем теоретической разработки проблемы и точностью используемых терминов.

Это можно продемонстрировать на примере одного из приводимых А. И. Першицем терминов — словосочетания *раннеклассовое общество*, в которое разные авторы вкладывают далеко не одинаковый смысл. Уже тот факт, что этот термин постоянно используется самими различными авторами, обращающимися к вопросу о становлении классового общества, свидетельствует о том, что он имеет определенную научную ценность, несет в себе какое-то содержание, которое не способны выразить иные термины. Каково же это содержание?

Из четырех приводимых А. И. Першицем значений этого термина он отбрасывает как совершенно неудачное четвертое. И он в данном случае совершенно прав — для этого значения существует абсолютно адекватный термин — докапиталистическое классовое общество. Совершенно справедливо отбрасывает он и третье значение как по своему существу «камуфляжное».

Сложнее обстоит дело с первыми двумя значениями. Лишь первое из них является, по мнению А. И. Першица, адекватным. Что же касается второго, то, считает А. И. Першиц, оно основано на смешении раннеклассового общества с предклассовым. Авторы, придерживающиеся

этой точки зрения, говоря о раннеклассовом обществе, в действительности имеют в виду общество предклассовое, т. е. переходное от первобытного к классовому. И здесь А. И. Першиц практически решает проблему уже не чисто терминологическую, а по существу теоретическую, а именно — вопрос о грани между предклассовым и раннеклассовым обществами. Этот вопрос практически так или иначе всегда решался, но теоретически совсем не обсуждался. Мне, например, не известна ни одна работа, которая была бы посвящена этой важной проблеме. Тем больший интерес представляет статья А. И. Першица, в которой этот вопрос, если детально и не рассматривается, ибо это выходило бы за ее рамки, то достаточно четко поставлен.

Под предклассовым обществом он понимает такое, которое уже обладает антагонистической классовой структурой, но в котором еще отсутствует господствующий антагонистический способ производства. Под раннеклассовым обществом он понимает такое, в котором определенный антагонистический способ производства, хотя и продолжает еще формироваться, но тем не менее является уже господствующим. Практически под раннеклассовым обществом А. И. Першиц подразумевает начальный этап развития таких классовых обществ, как азиатское (политарное), рабовладельческое и феодальное. Термин *раннеклассовое общество*, по его мнению, есть общее обозначение таких обществ, как раннеазиатское, раннерабовладельческое и раннефеодальное. В связи с этим возникает вопрос, почему в этот перечень не входит раннекапиталистическое общество. Ведь в развитии капиталистического общества также был начальный этап. И нельзя не вспомнить при этом, что термины *ранний капитализм*, *раннекапиталистические отношения* имеют довольно широкое распространение¹.

На этот вопрос можно, вероятно, дать лишь один ответ — раннеклассовым может быть названо лишь такое классовое общество, которое пришло на смену предклассовому обществу, а не какому-либо другому классовому обществу. Раннеклассовое общество не может быть отделено от предклассового общества какой-либо классовой общественно-экономической формацией. Этому требованию удовлетворяют и азиатское (политарное), и рабовладельческое, и феодальное общества, но отнюдь не капиталистическое. И это опять сталкивает нас с той же самой проблемой, с которой мы начали, а именно с вопросом о грани между предклассовым и раннеклассовым обществами.

Ответ, что в предклассовом обществе формировавшийся формационный уклад еще не господствовал, а в раннеклассовом — уже господствует, не представляется мне вполне удовлетворительным. В вождествах южноафриканских банту XVIII—XIX вв., в обществе Буганды того же времени политарный уклад, хотя и продолжал формироваться, однако тем не менее уже господствовал². Однако ни одно из этих обществ к числу классовых (а тем самым и раннеклассовых) отнести нельзя. Они, включая и Буганду, являлись лишь предклассовыми.

По моему мнению, классовое общество от предклассового отличает появление тех признаков, которые археологи характеризуют как возникновение цивилизации. Эти признаки: с одной стороны, систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений, с другой — письменность. На первый взгляд кажется, что, принимая подобные критерии, мы тем самым отказываемся от основного принципа марксизма: класть в основу периодизации общества изменения в системе производственных отношений. Но это лишь на первый взгляд. Производственные отношения, безусловно, определяются уровнем развития производительных сил. Но возникая и развиваясь, производственные отношения всегда вызывают к жизни новые производительные силы и тем

¹ См., например, *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени. Л.: Наука, 1974, с. 5 ел.

² Подробнее см.: *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии. — В кн.: Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука, 1980.

самым обеспечивают резкий рост прибавочного продукта. Именно быстрое возрастание объема прибавочного продукта и нашло свое выражение в окончательном оформлении особой / материальной и духовной культуры господствующего класса, качественно отличной от ранее (в эпоху первобытной общины) единой культуры общества, теперь превратившейся лишь в культуру социальных низов. Тем самым окончательное расщепление ранее единой материальной и духовной культуры общества на культуру господствующего класса и культуру социальных низов, прежде всего крестьянства, является вполне четким показателем достаточно высокого уровня развития классовых производственных отношений, а тем самым и перехода от предклассового общества к классовому.

И в Буганде первой половины XIX в., и в Раннем и Древнем царствах Египта господствовала система одних и тех же производственных отношений — политарных. Но отсутствие в Буганде монументальных каменных сооружений и письменности и наличие всего этого в Раннем и Древнем царствах Египта свидетельствуют о том, что политарный уклад в Буганде, хотя и господствовал, но еще продолжал формироваться, а в Раннем и Древнем царствах Египта он уже вполне сформировался. Поэтому в первом случае мы имеем дело с предклассовым обществом, а во втором — уже с подлинным классовым. И именно потому, что в Раннем и Древнем царствах Египта существовали уже вполне сформировавшиеся политарные отношения, вряд ли имеет смысл называть это общество раннеклассовым. Это — начальный этап эволюции, вполне сложившегося классового общества. Здесь мы сталкиваемся с переходом от предклассового общества к вполне развитому классовому.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Древней Греции в I тысячелетии до н. э. В VIII в. до н. э. там появляются несомненные признаки цивилизации — монументальные каменные сооружения и письменность. По этому критерию древнегреческое общество, начиная с VIII в., должно быть отнесено не к предклассовому, а к уже классовому. Однако это общество вплоть до VI—V вв. до н. э. еще не может быть охарактеризовано как рабовладельческое. Рабство в этот период не играло существенной роли. Рабовладельческий уклад еще только начал формироваться и не был господствующим. Значительно большую роль чем рабство играли иные отношения эксплуатации. Это общество обычно принято именовать архаическим³.

Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» охарактеризовал реформы Солона (594 г. до н. э.) и Клисфена (509 г. до н. э.) как политические революции⁴. И они действительно были революциями, но обозначали переход не от первобытного общества к классовому, а от классового общества, каким оно было в VIII—VII вв. до н. э., к рабовладельческому. Архаическое общество VIII—VI вв. до н. э. было уже классовым, но еще не рабовладельческим. Оно было своеобразным прологом к рабовладельческому обществу. Именно к нему в полном смысле применим термин *раннеклассовое общество*. Это было общество с ранними классами, которые исчезли с утверждением рабовладельческого уклада.

Сходное в ряде отношений явление мы наблюдаем после падения Западной Римской империи и образования на территории, которую оно занимало, так называемых «варварских» королевств. Известный специалист в этой области А. И. Неусыхин называл общественный строй германцев, каким он был до образования «варварских» королевств, дофеодальным, определяя его как переходный от бесклассового общества к классовому⁵. В такой интерпретации термин *дофеодальное общество*

³ См.: Starr C. S. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977; Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. L. etc., 1980.

⁴ Маркс /С. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 114—115.

⁵ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М: Наука, 1968, с. 597 сл.

соответствует термину *предклассовое общество*. Сложнее и гораздо противоречивее его характеристика общественного строя «варварских» королевств. Чаще всего он характеризует его как раннефеодальный. Одновременно он подчеркивает, что феодальные отношения начали в них только еще складываться, да и то не сразу. Именно на этом основании А. И. Неусыхин, например, пишет, что королевство франков конца V — начала VI вв. н. э. не было не только феодальным, но даже еще и не раннефеодальным. Оно являлось дофеодальным⁶.

Известный советский исследователь С. В. Юшков все вообще «варварские» королевства, возникшие на развалинах Западной Римской империи, называл *дофеодальными*. Феодальные отношения в них, по его мнению, только еще складывались, но отнюдь не господствовали. *Дофеодальными (или варварскими)* он называл также англо-саксонские королевства VI—IX вв., а также Киевское государство IX—X вв.⁷ Последнее положение разделяли многие исследователи Древней Руси⁸. В процессе дальнейшего развития термин *дофеодальный* по отношению к данному этапу истории Киевской Руси перестал использоваться. Однако в новейших работах по истории Древней Руси снова начинает подчеркиваться, что феодальные отношения в этом социальном организме начали зарождаться очень поздно, даже позже, чем это полагал С. В. Юшков, а именно, только с середины XI в., причем еще в XII в. они играли второстепенную роль по сравнению с другими отношениями эксплуатации⁹.

И «варварские» королевства, образовавшиеся после падения Западной Римской империи, и Киевская Русь с IX в. по всем основным признакам относятся к числу не предклассовых, а уже классовых обществ. В них бытует письменность, ведется сооружение монументальных каменных строений. Однако феодальные отношения в них не являются господствующими. В лучшем случае феодальный уклад начинает только формироваться, да и то далеко не сразу. Эти общества уже не предклассовые, но еще не феодальные. И здесь снова невольно напрашивается их характеристика как обществ с ранними классами, раннеклассовых.

Как «варварские» королевства, образовавшиеся после падения Западной Римской империи, были прологом к феодальной формации, так общество архаической Греции было прологом к рабовладельческой формации. Возможно, что прологом к феодальной формации были и раннеклассовое общество Древней Руси. Однако не могут быть исключены и другие предположения.

Как явствует из всего сказанного выше, ни рабовладельческий, ни феодальный уклады не могут даже начать формироваться в предклассовом обществе. Эти системы общественного производства могут начать складываться только после перехода от предклассового общества к классовому, т. е. только в классовом обществе. Соответственно и в первом, и во втором случаях начальный этап классового общества характеризуется тем, что в них формационный уклад вначале отсутствует, в дальнейшем формируется, но не является ведущим. Отсюда следует, что классовое общество этого периода не может быть охарактеризовано как относящееся в первом случае к рабовладельческой формации, во втором случае — к феодальной формации, как это делается, когда первое именуется раннерабовладельческим, а второе — раннефеодальным. Именно такого рода общество правомерно называть раннеклассовым.

За раннеклассовым обществом следует уже развитое классовое общество, обычно относящееся к определенной общественно-экономической формации.

⁶ Там же, с. 606, 607.

⁷ Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве.— Вопросы истории, 1946, № 7.

⁸ См. Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978, с. 133—135.

⁹ Фроянов И. Я.- Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.* Изд-во ЛГУ, 1974, с. 3—12, 99, 157.

Единственный антагонистический формационный уклад, который способен сформироваться в недрах предклассового общества — это политарный. В этом смысле раннеазиатское общество есть одна из разновидностей предклассового общества. Однако имеются определенные основания полагать, что формирование политарного уклада в недрах предклассового общества — это лишь один из двух основных вариантов становления политарного общества. Наиболее ярко он представлен Египтом.

При другом варианте развития, возможно, представленным Древним Шумером, политарный уклад не становится господствующим не только в предклассовом обществе, но и на начальном этапе классового общества. В таком случае о начальном этапе классового общества также можно говорить как о раннеклассовом обществе. Но общество данного периода раннеазиатским назвать нельзя, ибо данный уклад еще не господствует.

Таким образом, раннеклассовым обществом мы называем начальный этап эволюции классового общества, для которого характерно отсутствие господствующего формационного уклада. Что же касается предклассового общества, то мы предпочитаем его характеризовать как общество переходное от первобытного к классовому без дальнейших уточнений, ибо существует несколько различных его типов, причем не все они обязательно предполагают существование классовой антагонистической структуры.

А. И. Першиц

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Как автор и предполагал, проведенное обсуждение существенно помогло в подготовке намеченного сборника материалов к понятийно-терминологическому словарю. Оно высветило несколько крупных вопросов, в одних случаях позволяя автору утвердиться в изложенной им точке зрения, в других — заставляя его заново продумать позицию, уточнить формулировку, и т. п. Остановлюсь на этих вопросах в порядке их значимости.

1. Ю. В. Бромлей предлагает оговорить, что в названии намеченного к изданию сборника «Социально-экономическая организация и соционормативная культура» термин *социальный* применен в своем узком, а не широком значении. Такая оговорка не мешает, хотя, как правильно отмечает сам же Ю. В. Бромлей, словосочетание *социально-экономический* автоматически указывает на узкое, а не широкое понимание социальности. Более существенным представляется поднятый им вопрос о правомерности термина *соционормативная культура* для обозначения «таких институтов, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры» (с. 71). Строго говоря, этот термин удачным признать нельзя. Он введен теми, кто различает наряду с материальной и духовной культурой третий компонент — социальную (в узком смысле слова) культуру, т. е. социальные институты. Но последние не сводятся к нормам, а делятся на структуры (скажем, община, род, семья) и нормы (например, мораль или право). Стало быть, этот третий компонент культуры правильнее называть не *соционормативной культурой*, а *культурой социоинститутной* или *социоинституционной*. И если бы автор не убоился обвинения во введении еще одного нового термина, то он воспользовался бы именно термином *социоинституционная культура* вместо очень неточного (но зато уже привычного!) термина *соционормативная культура*. Может быть, вообще следует назвать сборник иначе: «Социально-экономические отношения и институты».